

А. В. Поппэ (Варшава, Польша)

А. А. ШАХМАТОВ И СПОРНЫЕ НАЧАЛА РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ*

Алексей Александрович Шахматов был исследователем исключительного покроя. Гуманитарным наукам присущ в исследованиях индивидуализм; там же, где проявлялось коллективное, часто свыше диктуемое начало, результаты разысканий слагались вместе в завершении общего труда. Начинал и вел Шахматов свои разыскания о русском летописании в одиночку, казалось бы, кустарным способом, но план и программа исследования размечали задачи для нескольких поколений медиевистов — филологов и историков. Его мастерская пользовалась инструментарием, воспринимающим летописи как памятники русской словесности с уклоном в текстологические и литературоведческие вопросы. По состоянию изучения учитывались и источниковедческие аспекты летописных сводов как исторического источника.

Диапазон предпринятого Шахматовым с редким размахом труда напоминает больше поведение естествоиспытателя, который, построив теоретическую гипотезу на данную тему, расписывает среди своих сотрудников и привлекаемых химиков, физиков и математиков конкретные аналитические задачи, должны в их результатах подтвердить или подвергнуть сомнению выдвинутое положение. Неслучайно в столетие выхода в свет «Разысканий» мы оказались его ассистентами и лаборантами в исполнении предначертанных им задач.

О прошедшем столетии по этому поводу можно сказать немало скорбного, но нашлось место и для положительного. Заквалифицированного как буржуазного исследователя Академика спасла его преждевременная кончина, но прежде всего его великий авторитет как ученого. Его ученики и последователи преуспели в хранении памяти о его трудах. Тут должным успехом было издание в 1938 г. оставленного в рукописи «Обзрения русских летописных сводов XIV—XVI вв.» (переизд. в 2001 г.). Соизволение на это издание было воспринято как легализация шахматовского наследия, и право последования было реализовано учеными, сплотившимися вокруг «Трудов отдела древнерусской литературы», где в 4-м томе был опубликован (1940) неизданный важный труд А. А. Шахматова «Повесть временных лет и ее источники». Со временем этот «шахматовский курс» значительно укрепился, и благодаря возглавляемому Д. С. Лихачевым коллективу древнерусского сектора ИРЛИ (Пушкинского дома) обогатился значительными достижениями в изучении древнерусской письменности, в том числе летописания. Резюмированные итоги отразились в семитомном «Словаре книжников и книжности Древней Руси» XI—XVII в.

Не раз приходилось выступать в защиту наследия Шахматова против его не всегда компетентных критиков (например, А. Г. Кузьмина 1973/1974). В ситуации идеологизирующих властей, ожидавших от ученых утилитарно-воспитательных излияний, среди занимающихся Древней Русью были те, кто демонстрировали также чуждые науке чопорность и начетничество в трактовке гипотез Шахматова, т. е. восприятие предположений, основанных на скромных косвенных указаниях, не как положений, требующих дальнейших доказательств, но как прямо-таки аксиом. Это противоречило повторенным не раз заветам самого Академика, требовавшего критического подхода к его предположениям и отмечавшего постоянную необходимость проверять их и корректировать. (Этому требованию был верен Я. С. Лурье в своей книге о летописных сводах XIV—XVI в.) Сказывались не раз слабость в медиевистической подготовке и случайность выбора, причем изыскания сводились к толкованиям без достаточного текстологического и источниковедческого разбора. Само изыскание не воспринималось как возможность привлечения новых аргументов, но в лучшем случае как подведение итога доселе уже известному.

Сосредоточив свои разыскания на восстановлении первоначального текста ПВЛ, Шахматов, взяв за основу рукопись 1377 г., осознавал, что все своды последующих столетий, основанные на ПВЛ, должны быть изучены с точки зрения разночтений и дополнительных данных. И, хотя в ходе изучения

* Статья задумана как заблаговременный вызов на прения на заседании шахматовской конференции, посвященной началу летописания.

они могли оказаться позднейшими добавлениями, выдвигаемая гипотеза должна была однозначно предполагать их принадлежность первоначальному тексту. Но последователи забывали и нередко принимали предположение Шахматова за очевидность (например, добавления в Софийской I и Новгородской IV летописях о походе 1043 г. на Константинополь).

* * *

Киево-Печерский летописный свод второго десятилетия XII в., получивший в историографии такое удачное и почти что загадочное название «Повесть временных лет», был не началом русского летописания, но его уже зрелым результатом. Возникал вопрос, как оно прежде слагалось. Чтобы ответить на этот вопрос, Шахматов выдвинул несколько гипотез, до того удачных, что за редкими исключениями (В. М. Истрин, С. А. Бугославский) они не только признавались доказанными, но вызвали некую «сводоманию». Об этом подробнее ниже.

Серьезный спор сейчас в разгаре по поводу Начального (Киево-Печерского) свода 1095 г. (Т. Л. Вилкул, А. А. Гиппиус). По сути, это не прения за и против замысла Шахматова, основное расхождение остается в пределах, намеченных самим Академиком: достаточно ли будет представленных данных, отводящих эту гипотезу, или новые аргументы укрепят ее под видом положения-тезиса. Но, продолжая диспут, стороны могли бы попытаться ответить на простой вопрос, который все же возник. А. А. Шахматов, предлагая реконструкцию текста ПВЛ на основании списка Лаврентия, признавал, согласно принятому мнению (М. Фасмер), первоначальной записью имени *Володимеръ*, т. е. что вторым корнем был сперва *-мер*, а не *-мир*. Почему новгородский летописец, переписывая буквально текст из свода 1095 г. или из ПВЛ, изменил запись имени на *Володимиръ*? Заметим, что сохранившимся памятникам письменности XI–XIII в. присуща исключительно «новгородская» запись этого имени.

Упомянутое здесь имя крестителя Руси заставляет напомнить так часто, начиная с разрухи 1917 г., искажаемый, обходимый, а то и просто игнорируемый факт тесной связи летописания и его появления с самым значительным в судьбах восточных славян событием — актом Крещения Руси, открывающим ее просвещение. Русская страна быстро становилась землей христианской, о чем вещал благовест колоколов и бил, а ее насельники без спеха становились христианами. Выбор совершился, и общественные элиты решительно высказались за него. Молодое христианство было разумнее языческих верований и придавало смысл событиям самой жизни человека, его духовному естеству. Историзм, уходящий корнями в Ветхий и Новый Заветы, в близящуюся к своему тысячелетию христианскую вселенную, охватил Русь: ее народ и государство. И это осознанно вело к насущной потребности знать свою историю, так торжественно изложенную иероином Иларионом. Появились русские книжники, среди них летописцы. Первый достоверный свод погодных известий и сказаний, т. е. ПВЛ, создавался на протяжении второй половины XI в. и первого десятилетия XII в. в стенах Киево-Печерского монастыря. Присутствие государства в этом деле преувеличивалось и даже измышлялось. Зато было участие князей и княгинь, мотивированное христианскими повинностями власть имущих (что так убедительно изложил в своем Поучении и в письме Олегу Владимировичу Мономаху).

Включение Руси в мир христианской цивилизации определило и продолжает определять духовную жизнь восточных славян и по сей день (и добавим: всех, верующих и агностиков, попавших в круг этой цивилизации). В тоталитарном государстве трудно было действительно сопротивляться попыткам свести на нет память о самом важном историческом событии. Вздорным и нелепым был подсказанный властям вымысел о 1500-летию Киева, должный затмить юбилей тысячелетия христианства на Руси. Скорбная попытка помрачения умов провалилась, но историкам забывать об этом не следует.

Идя в глубь веков и читая замечания, критику и назидания монаха-летописца в адрес предрержащих власть, историк начинает лучше понимать, что задача христианского просвещения общества, в первую очередь его верхов, воспринималась последовательно и ответственно. Нередко новоявленные христиане проявляли беззаветное рвение и душевное радение в пример своим старшим в вере собратьям. Не

случайно ведь печеряне, ревностные в делах церкви, не нашли нужным именовать всех присылаемых из Константинополя киевских митрополитов и прибывших с ними иереев.

* * *

По сути дела, Повесть временных лет не является летописью, т. е. анналами, из года в год описывающими события. Это летописный свод, продуманная компиляция разного рода и типа исторических сочинений: годовых записей, житий, сказаний и рассказов, не всегда удачно вкомпонованных в рамки отдельных годов хронологической сетки произведения. Следы разновременной записи событий заставили исследователей признать Повесть временных лет венцом длительного труда нескольких предшествующих поколений и обратиться к XI столетию в поисках его начала.

Ответ на этот вопрос в самом начале XX в. попытался дать в своих отмеченных чрезвычайной эрудицией и большим синтетическим размахом трудах А. А. Шахматов. Суммируя уже достигнутое и внося свой незаурядный вклад, гениальный ученый заложил основы для научного исследования древнерусских летописных сводов. Предложенная им схема развития русского летописания XI в., несмотря на иногда резкую критику, по сей день остается в обиходе¹. Наиболее компетентный критик построений Шахматова по вопросу древнейших летописных сводов до ПВЛ в 1941 г. воздержался от критики, заметив, что гипотезы Академика «требуют дополнительных разысканий и критической проверки, но пока они являются достоянием науки»². Решения таких исследователей, как Д. С. Лихачев, Л. В. Черепнин, А. Н. Насонов, ограничивались более или менее существенными коррективами концепции Шахматова. Поэтому далее на ней будет сосредоточено главное внимание.

А. А. Шахматов указал и доказывал существование четырех летописных сводов, предшествующих Повести временных лет. К 1039 г. относится первый свод, названный исследователем Древнейшим Киевским сводом, к 1050 г. — древнейший Новгородский свод, исходящий из Киевского свода 1039 г. К 1073 г. был завершен свод, составленный в Печерском монастыре Никоном и являвшийся продолжением свода 1039 г., дополненным незначительными вставками. Первый Киево-Печерский свод 1073 г. был продолжен с небольшими перерывами почти своевременно по 1093 г., дабы затем около 1095 г., после значительного восполнения и основательной редакции, воспринять местные летописные записи, в первую очередь Новгородский свод 1050 г. вместе с его продолжением. Так составлялся, согласно Шахматову, второй Киево-Печерский свод, определяемый как Начальный и признанный, учитывая территориальный охват, общерусским. Название *Начальный* закрепилось, хотя оно было дано в то время, когда Шахматов еще не предполагал существования более ранних сводов.

Основанный на подробном рассмотрении обширного летописного материала тезис Шахматова о существовании летописного свода 90-х годов XI в.³, предшествовавшего Повести временных лет, удержался, несмотря на его критику (В. М. Истрин, С. А. Бугославский), продолжающуюся по сей день. Многие считали доказательства в пользу этого свода непреерекаемыми. Итоги в защиту подвел А. А. Гиппиус (2007).

Иначе обстоит дело с более ранними летописными сводами. Составление древнейшего из них приписывалось Шахматовым времени завершения строительства кафедрального Софийского собора и основания первой митрополии на Руси⁴. При рассмотрении этой гипотезы справедливо указывалось, что в своде, составленном во времена Ярослава, следовало бы ожидать больше данных⁵. К этому замечанию можно присоединить другие аргументы в доказательство того, что свод 1039 г. не существовал.

¹ Результаты исследований вместе с реконструкциями текстов см.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1. Вторичный опыт реконструкции подготовлен С. А. Бугославским в 1940–1941 г., сейчас широко доступен в переиздании его произведений: Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. 1: Повесть временных лет. М., 2006. Введение. С. 3–28.

² Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. 1. С. 73.

³ См.: Шахматов А. А. О начальном киевском летописном своде // ЧОИДР. 1897. Кн. 3. С. 1–58; Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись // ИОРЯС. 1908. Т. 13. Кн. 1; Шахматов А. А. Киевский начальный свод 1095 г. // Шахматов А. А. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947. С. 117–160.

⁴ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. §§ 221–228.

⁵ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1940. Т. 1. С. 55.

1. Тезис об учреждении митрополии на Руси при Ярославе Мудром основывался более на недосказанности источников, чем на их чрезвычайно скурых данных. Если бы составление свода в какой-либо мере было связано с учреждением митрополии, то следовало бы ожидать в нем конкретных свидетельств. Между тем летописание на Руси XI в. не имело связи с управляемой греческими иерархами митрополией, что ясно следует из случайности упоминаний о них. Приписывать кафедральному митрополичьему собору почин летописания нет оснований, а само начало митрополии, как это выяснилось на протяжении второй половины XX в. (Л. Мюллер 1959, А. Поппэ 1968, Я. Н. Ццапов 1989), было связано с актом принятия христианства в 988 г. Владимиром Великим.

2. Свод 1039 г. якобы завершала похвала достижениям Ярослава, помещенная под 1037 г. Однако эта статья несет отчетливые черты более позднего составления и дает оценку всей деятельности Ярослава, правление которого было наиболее продуктивным после 1036 г. Кроме того, эта статья называет две ктитории Ярослава и его супруги — св. Георгия и св. Ирины, которые были заложены не ранее исхода 40-х годов XI в. Поскольку церковь св. Георгия освящал митрополит Иларион, ее освящение состоялось не ранее 1051 г. и не позже 1053 г.⁶

3. Под вопрос следует поставить также приведенное Шахматовым как доказательство *terminus ante quem* составления древнейшего свода. В статье 1044 г. сообщается о перенесении останков сыновей Святослава Олега и Ярополка в храм Успения Богородицы, в статье же 977 г. говорится о том, что Олег был погребен около Овруча и «есть могила его и до сего дне у Вручего»⁷. Отсюда вывод, что это известие было записано до 1044 г., до того как была раскопана могила Олега⁸. Однако это мнение основывается на ошибочном толковании *могила* как погребения, тогда как в древнерусском языке это слово обозначало прежде всего курган (*tumulus*), насыпь над местом захоронения умершего⁹. Таким образом, процитированное выше предложение с тем же успехом могло быть записано и после 1044 г., ибо курган продолжал быть постоянной топографической приметой окрестностей Овруча¹⁰. Наконец, определение *до сего дне / до ныне*, часто выступавшее в старшем (X в.) тексте летописи, несколько раз ведет нас во вторую половину XI в.

Представленные аргументы диктуют отказ от гипотезы о существовании свода 1039 г. Тем не менее остается открытым, а иногда спорным вопрос о хронологии отдельных источников, которые приписывались составу этой летописи.

Гипотезу о своде 1039 г. пересмотрел Д. С. Лихачев, предложивший свою концепцию начала русского летописания. Он выделил из реконструированного Шахматовым свода 1039 г. цикл из шести сказаний, дав им общий заголовок «Сказание о начале христианства на Руси»¹¹. Эта концепция возбудила сомнения проницательного рецензента, а затем встретилась с обстоятельной критикой¹². Датировка цикла этих сказаний началом 40-х годов XI в. целиком основывается на шахматовской хронологии свода 1039 г., что актуализирует высказанные выше замечания в адрес этого свода. Два последних сказания, о Борисе и Глебе и похвала Ярославу Мудрому под 1037 г., в это время еще не существовали¹³, следовательно, не могли входить в состав установленного Д. С. Лихачевым цикла. Г. Ловмянский

⁶ Ср. комментарии Д. С. Лихачева (Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1996. С. 481–483, 624–625).

⁷ ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. С. 75, 155.

⁸ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. § 227; Лихачев Д. С. Историко-литературный очерк // Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 56 (2-е изд.: С. 448).

⁹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 161–162; Каргер М. К. Древний Киев. М., 1958. Т. 1. С. 21–22.

¹⁰ Так, например, в ходе сражений под Киевом в 1146 г. «Кияне же особно стаха у Олговы могила» (ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 325). Речь тут идет о кургане Вещего Олега.

¹¹ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 62 и след.; Повесть временных лет. Т. 2. С. 60 и след.

¹² Lowmiański H. // Przegląd Historyczny. 1948. Т. 38. S. 283; Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957. С. 5–16.

¹³ Ср.: Датировка канонизации Бориса и Глеба 1072 г. А. Поппэ встретила критику Л. Мюллера (см.: Мюллер Л. Понять Россию. М., 2000. С. 71–87). О статье 1037 см.: Lunt H. G. On Interpreting the Russian Primary Chronicle: the Year 1037 // Slavic and East European Journal. 1988. Т. 32. № 2. P. 251–264.

метко заметил, что этот цикл мог состоять не более чем из четырех преданий и завершаться временем Владимира Великого. Следует добавить, что существование такого цикла нельзя было бы исключить, однако не в виде предполагаемого Д. С. Лихачевым сочинения, вышедшего из-под одного пера, а в виде нескольких самостоятельных произведений (крещение Ольги, о варягах-мучениках, о крещении Руси, похвала Владимиру). Каждое из этих произведений имеет свою рукописную метрику, указывает на свою самостоятельность и на вторичность летописного текста¹⁴. Ис этого и сегодня следует начать подробное изучение отдельных произведений, время составления которых остается открытым. Кроме того, Д. С. Лихачев не дал ответа на вопрос о происхождении того цикла, который определяет как «Народные предания о первых русских князьях-язычниках».

Гипотезу, родственную обеим представленным выше концепциям, выдвинул А. Н. Насонов, сделав основной акцент на связь узловых моментов развития летописания с развитием древнерусского государства¹⁵. Подчиненное этому тезису толкование источников вызвало к жизни Свод Ярослава, составленный на исходе его правления (около 1051 г.). Эта датировка учитывает хронологию составления статьи 1037 г., однако, по сути, не принимает во внимание содержание того текста, который касается времени правления Ярослава Мудрого. Если из задуманного таким образом свода устранить составленные позднее статьи (6523, 6527 г. — о Борисе и Глебе, 6530—6531, частично 6544 г. — о Мстиславе Тмутараканском, 6551 г. — о походе на Византию, 6522 г. — о Вячеславе Полоцком), то остается незначительное количество скурых упоминаний, которые даже при большом желании трудно признать сводом, славящим правление Ярослава Мудрого. Это понимал и сам автор, который приписал часть названных выше статей времени Ярослава и предполагал, что этот свод сохранился лишь во фрагментах, хотя известно, что ученый сам являлся сторонником взгляда, высказанного на следующей странице, что «обычно последующие летописные редакции не устранили материал предшествовавших редакций, хотя иногда сокращали их»¹⁶. Мнение о существовании летописных записок, ведшихся при Десятинной церкви, ввиду отсутствия каких либо улик, осталось догадкой.

* * *

Отказ от гипотезы о существовании свода 1039 г. предreshает вопрос о Новгородском своде 1050 г., обоснованно отвергаемый в литературе предмета¹⁷. Корректива Б. А. Рыбакова связывает этот свод с посадником Остромиром и передвигает его завершение на 1054 г.¹⁸ Автор затрагивает много подробностей, касающихся новгородского летописания XI в., но оказывается не в состоянии определить источник киевской информации Новгородского свода в принятой им с незначительными дополнениями реконструкции Шахматова. И так, остается открытым вопрос о существовании в Новгороде свода середины XI в., которым мог воспользоваться Начальный свод 1095 г., если таковой существовал. Начало новгородского летописания, скорее всего, следует связывать с нерегулярно ведшимися погодными записями, восходящими ко времени епископа Луки Жидяты¹⁹.

Выяснение начала новгородского летописания существенно также для определения новгородского источника Повести временных лет. Вместо новгородского свода Д. С. Лихачев признал таковым предание рода Яня Вышатича — «особую устную летопись семи поколений»²⁰. Предложенная им

¹⁴ См.: Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906. С. 406; Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития // ЧОИДР. 1915. Кн. 3. С. 4—7, 23 и след.

¹⁵ Насонов А. Н. Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием древнерусского государства // Проблемы источниковедения. 1959. VII. С. 416—462. Автор учитывал соображения В. М. Истрина о своде 1050-х годов (1921).

¹⁶ Там же. С. 434.

¹⁷ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. С. 55; Повесть временных лет. Т. 2. С. 90; а также рецензия на работу Д. С. Лихачева: *Łowmiański H.* // *Przegląd Historyczny*. Т. 38. S. 283; *Łowmiański H.* *Z nowszych wydawnictw radzieckich latopisarstwa ruskiego* // *Kwartalnik Historyczny*. 1953. № 3. S. 239.

¹⁸ Рыбаков Б. А. Остромирова летопись // Вопросы истории. 1956. № 10. С. 46—59.

¹⁹ Ср.: Шахматов А. А. Разыскания. С. 625 и след.

²⁰ Лихачев Д. С. Устные летописи в составе Повести временных лет // Исторические записки. 1945. Т. 17. С. 209—224; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 43, 113.

родословная: Свенельд—Лют—Добрыня—Константин—Остромир—Вышата—Янь должна объяснять сведения об отдельных представителях этого рода на охватывающих полтора столетия листах летописи. Согласно его мнению, три поколения летописцев, авторы сводов 1073, 1095 г. и первой редакции Повести временных лет 1113 г., оставались в дружественных отношениях с Вышатой и его сыном Янем²¹. Эту оригинальную родословную приходится, однако, отвести, лишая таким образом предпосылок предположение Лихачева об источнике новгородских сведений киевских сводов. Первые два звена этого рода убедительно подверг сомнению Б. А. Рыбаков, признавая, однако, родословную Яня Вышатича начиная от Добрыни достоверной и включая в состав своих аргументов в пользу существования летописного свода Остромира²². Тут остается показать несостоятельность трех последних — решающих для всего построения Лихачева и Рыбакова — генеалогических звеньев. Остромир не был дедом Яня, сына Вышаты. Таков непосредственный смысл не требующего конъектур текста летописной статьи 1064 г.

Под 1106 г. летописец сообщает, что «в се же лето преставися Янь, старецъ добрый, жив лет 90, в старости мастите... от него же и аз многа словеса слышах, еже и вписах в летописаньи семь»²³. Упоминания о Яне на листах летописи, а в особенности статья 1043 г., не оставляют сомнений, что он был сыном Ярославова воеводы Вышаты. Под 1064 г. летописец называет Вышату, сына Остромира, воеводу новгородского. Для Д. С. Лихачева это тот же Вышата. Уже М. Д. Приселков заметил, что Вышата, отец Яня, был ровесником Остромира, и признал, что летописец в статье 1064 г. дал ошибочную информацию о родстве²⁴. Д. С. Лихачев, защищая достоверность этой информации, полагал, что летописец ошибочно приписал Яню Вышатичу возраст 90 лет: не зная его точного возраста, он указал типичное эпическое число, ошибившись, по крайней мере, лет на 15—20. Уменьшение возраста Яня было необходимым, ибо только тогда Янь мог стать внуком Остромира, который погиб на поле сражения в 1060 г.²⁵ В 1056 г. Остромир был отцом уже состоявшего в браке потомства²⁶, но, если его представить дедом рожденного в 1016 г. Яня, окажется, что власть в Новгороде предержал и в поход на Чудь отправился почти столетний старик. В свете безупречного свидетельства летописца такая поправка неприемлема. Трудно согласиться с тем, что годы Яня были округлены, а если даже так, то незначительно. В Печерском монастыре возраст старца, т. е. инока Яня, был хорошо известен благодаря не менее трем десятилетиям постоянных контактов, особенно близких после кончины его жены Марии в 1091 г. и затем его поступления в монахи. Похоронены оба в притворе печерского собора. Летописец подчеркнул преклонный возраст покойного: *в старости мастите*. Знаменательно, что это определение мы не встречаем в летописи ни по случаю смерти Ярослава Мудрого (76 лет), ни Владимира Мономаха (72 года), ни более чем восьмидесятилетнего Всеслава Полоцкого.

Оба исследователя не допускали возможности, что на листах летописи могли выступать два разных лица с одним и тем же именем. Однако сам летописец ясно дает понять, что имеет в виду двух разных лиц. Когда он говорит об участии в неудачном походе на Византию в 1043 г. воеводы Вышаты, он добавляет, что имеет тут в виду отца Янева, указывая тем самым на источник своей информации. В статье же 1064 г. подчеркивает происхождение другого Вышаты, отмечая его как сына Остромира, воеводу новгородского, для того чтобы читатель не спутал его с отцом Яня. В 1064 г. Ростислав, внук Ярослава, бежал в компании Вышаты, сына Остромира, в Тмутаракань, откуда устранил Глеба Святославича. На подоплеку этих событий летопись бросает скупой, но достаточный свет. Ростислав был сыном Владимира, старшего сына Ярослава, правящего в Новгороде и умершего на 33 году жизни

²¹ Лихачев Д. С. Устные летописи в составе Повести временных лет. С. 214; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 102, 105.

²² Рыбаков Б. А. Остромирова летопись. С. 48—49.

²³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 281. Упомянутый в той же статье Янь, посланный Святополком в погоню за половцами, — это явно другая, одноименная личность. Янь никак не мог быть Яном, т. е. Иваном, о чем засвидетельствовала жена Мария Яневая. Янь, вероятно, славянизированное скандинавское имя *Нани* (подобно Якун от *Naakon*).

²⁴ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XIV вв. Л., 1940. С. 18.

²⁵ См.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 525, 627.

²⁶ См. выходящую запись к Остромирову евангелию: Столярова Л. В. Свод записей писцов XI—XIV вв. М., 2000. № 5.

в 1052 г. Следовательно, в 1064 г. Ростиславу могло быть не более 20 с небольшим лет. После смерти Владимира кормило правления в Новгороде перенял его брат Изяслав, передав его после смерти отца Остромиру. Когда последний погиб в 1060 г., Изяслав послал в Новгород своего сына Мстислава. Выросший в Новгороде Ростислав должен был почувствовать себя обойденным дядей. Возможно, появились и какие-то споры, раз Ростислав оставался там под надзором (отсюда бежа). Правление Мстислава могло вызвать недовольство и у части молодой новгородской знати. Среди прочих был и Вышата, сын Остромира, а также некий Порей, которые вместе с Ростиславом решили искать возмещения в авантюрном, но увенчавшемся успехом захвате тмутараканского стола. Следовательно, в товарище похождения молодого Ростислава трудно видеть пожилого воеводу Вышату (в 1064 г. ему было не менее 70 лет), который вернулся в 1046 г. из византийского плена, как можно заключить, лишенным зрения²⁷. Мог ли связанный с Киевом княжий сановник участвовать в предприятии молодого князя-изгоя? Никон, который встречал Вышату, сына Остромира, в Тмутаракани и который является, по крайней мере, источником информации о нем в летописи, был знаком с часто посещавшим Печерский монастырь Янем Вышатичем. Вот почему печерский летописец отмечает по отцу происхождение одного из сотоварищей князя Ростислава, не забывая о происхождении второго — Пороя.

Отождествление Ярослава воеводы Вышаты с Вышатой, сыном Остромира, приводит к дальнейшим неувязкам. В летописной статье 1071 г. сохранилось записанное со слов Яня Вышатича известие о бунте смердов в Ростовской земле и на Белом Озере. События имели место, как следует из определения летописца, «в си же времена», а стало быть, близко к тому году, во всяком случае, в пределах 1071—1074 г.²⁸ Так как Янь действовал на севере по поручению князя Святослава, то следовало бы, что несколькими годами ранее отец Яня, сопровождавший Ростислава в Тмутаракань, активно выступал против Святослава, устраняя двукратно его сына Глеба с тмутараканского стола.

Представленные выше данные показывают, что в этом случае из стен Печерского монастыря вышла достоверная информация. Ее ошибочно прочитал автор эффектной гипотезы об «устной летописи семи поколений», от которой в дальнейших исследованиях источников Повести временных лет необходимо отказаться²⁹.

* * *

Существование первого Печерского свода 1073 г. доселе не подвергалось сомнению. Две предпосылки бесспорны: во-первых, что в 1060-е годы в Печерском монастыре начали вести летописные записи, во-вторых, что к ним был причастен монах этого монастыря Никон, несколько раз побывавший на Тмутараканском полуострове. Но вывод Шахматова о появлении в 1073 г. летописного свода из этих предпосылок не следует. Шахматов не задал вопроса, почему Никон должен был завершить свой свод именно до 1073 г., а не работать над ним позднее, уже будучи Печерским игуменом, т. е. в 1078—1088 г. По мнению Шахматова, Никон, который работал над сводом в 1069—1073 г., после вступления Святослава в Киев 22 марта 1073 г. ушел в Тмутаракань (до 7 мая), успев записать о княжеских которах в неблагосклонном для Святослава духе³⁰. Современность записи 1073 г. следует поставить под вопрос. Во-первых, автор записи уже знал о лишении в Польше Изяслава его ценностей (казны). Во-вторых, хотя в устранении Изяслава участвовал также Всеволод, роль последнего преуменьшена. Властолюбивый Святослав был обременен ответственностью за действия против брата — Изяслава, вводя в заблуждение (*прелсти*) второго брата — Всеволода — информацией, якобы Изяслав

²⁷ См.: ПСРЛ. Т. 1. С. 154.

²⁸ См.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории северо-восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 63 и след. Обзор мнений см.: Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1996. С. 628—630.

²⁹ На родословной Яня пришлось подробнее задержаться из-за прискорбно неполной трактовки статей «Вышата» и «Янь» в «Словаре книжников и книжности Древней Руси XI—XIV вв.» (Л., 1987. С. 103—104, 483—484), где целиком проигнорированы три статьи о родословной Яня Вышатича: А. Стендер-Петерсон (1956), L. Müller (1958), А. Порре (1967), принятые во внимание в статье: Вышата // Słownik Starożytności Słowiańskich. 1980. Т. 6. S. 652—653.

³⁰ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. §§ 240—242.

совместно с Всеславом полоцким составили против него заговор³¹. Следовательно, тут уже содержится толкование событий в духе, оправдывающем Всеволода. Такой взгляд на события 1073 г. мог появиться начиная с середины 1077 г., когда помирившиеся братья действовали сообща, а особенно после 1078 г., когда после смерти Изяслава киевский стол перенял Всеволод. Шахматов обоснованно связывает летописную статью 1054 г., содержащую завещание Ярослава, с летописной статьей 1073 г., усматривая в них одного и того же автора, но он делает это, дабы доказать, что завещание Ярослава уже входило в свод 1073 г.³² Однако текст завещания, уделяя особенное внимание Всеволоду: «бе бо любим отцемъ паче всея братьи»³³, снова ведет нас во времена правления в Киеве этого князя и его сына. Далее, приписав своду 1073 г. сообщение о начале Печерского монастыря под 1051 г., как и несомненно связанное с ним известие о событиях из жизни Феодосия, которое только позднее должно было попасть в статью 1074 г., Шахматов принужден допустить ряд далеко идущих интерполяций, дабы защитить принадлежность этих текстов к своду 1073 г.³⁴ Но искать интерполяции в текстах 1051 и 1074 г. нет оснований: оба известия ведут нас во времена преемников игумена Никона. Наконец, трудно понять и объяснить, почему Феодосий удостоился письменной похвалы уже при жизни. Она была составлена, вероятнее всего, при подготовке его причисления к лику местночтимых святых в 1091 г., поэтому и была помещена под годом его кончины в летописной статье 1074 г.

Итак, существование свода 1073 г. весьма сомнительно. Это замечание в еще большей мере касается гипотезы Л. В. Черепнина о своде 1072 г. Последний перенял аргументы Шахматова, подвергая сомнению только современность записи статьи 1073 г. По его мнению, свод был составлен в связи с княжеским съездом 1072 г. в Вышгороде и завершался описанием перенесения Бориса и Глеба в новый храм³⁵. Это предположение, исходящее из общих предпосылок, вообще не учитывает содержание статьи 1072 г., которая попала в летопись позднее, на что указывал уже А. А. Шахматов³⁶.

Вероятность авторства Никона в пределах описания не только современных, но и более ранних событий из истории Тмутараканского княжества, а также замечания о более ранней топографии Киева, принадлежавшие лицу, проживавшему в городе в 70–80-е годы XI в., позволяют утверждать, что во времена Никона не только продолжалось ведение начатой в 60-е годы XI в. монастырской летописи, но и был предпринят труд по составлению летописного свода, призванного стать первой письменной историей всей Руси. Наиболее подходящим временем для начала этого труда можно считать период игуменства Никона, после смерти которого († 1088) работа над сводом продолжалась в 90-е годы XI в. вплоть до второго десятилетия XII в. Как следует из всего сказанного, это должен был быть тот летописный свод, который известен нам под названием «Повесть временных лет». Работа над ним требовала собирания и отбора значительного количества разного рода источников и времени³⁷.

Как обратил внимание М. Н. Тихомиров, до появления свода на Руси должны были быть известными разного рода исторические произведения: погодные летописи, в точном значении этого слова, и рассказы, посвященные разным темам из истории Руси, и только их изучение может пролить более света на начало русской историографии. «Своды, — писал Тихомиров, — являются не начальным, но завершающим этапом исторических обобщений»³⁸. В этом направлении шли исследования,

³¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 182–183.

³² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. § 223.

³³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 161; ср.: Насонов А. Н. Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием древнерусского государства. С. 433.

³⁴ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 445–447, 450 (§§ 244–247).

³⁵ Черепнин Л. В. Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. 1948. Т. 25. С. 330–331.

³⁶ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 457–458. Добавочные аргументы: Поннэ А. Летописная статья 1072 г. и ее источник (в печати).

³⁷ По дороге, еще как полупродукт, он мог попасть после 1093 г. в Новгород и известен в историографии под названием Начального свода. Такого предположения пока что исключить нельзя.

³⁸ Тихомиров М. Н. Начало русской историографии // Вопросы истории. 1960. № 5. С. 41.

указывающие на существование повести о полянах-руси, историографического сочинения, использовавшего западнославянские источники и сосредоточенного на судьбе одного из восточнославянских племен³⁹. Исследования самого М. Н. Тихомирова привели к выделению из слоев летописного свода двух исторических произведений, названных им «Сказанием о начале Руси» и «Сказанием о русских князьях X века». Не входя в подробности, следует обратить внимание на спорность некоторых хронологических критериев. «Сказание о начале Руси» датировано Тихомировым на основании известия о хазарах, которыми до сего дня владеют русские князья. Но этот *сеи день* для исследователя означает 30—40-е годы XI в., когда после смерти Мстислава Тмутаракань была присоединена к Русской земле⁴⁰. Между тем последние упоминания о хазарах выступают не под 1023, а под 1079 и 1083 г. и говорят об их зависимости от тмутараканского князя. Они платили дань русским князьям в Тмутаракани, как косвенно указывает летописная статья 1066 г.⁴¹ Если автором тмутараканско-хазарской информации был Никон⁴², что доказывает Шахматов, и это трудно подвергнуть сомнению, тогда из «Сказания о начале Руси» следовало бы удалить известие о хазарах, если бы другие моменты решительно указывали на более раннюю датировку памятника.

Второе реконструированное М. Н. Тихомировым сочинение — «Сказание о русских князьях X века», захватывающее времена Игоря, Святослава, Ярополка и завершающееся перенятием власти Владимиром, — удивляет деловитостью известий и более подробными данными, чем для времен Владимира и Ярослава. Возможно, что его начало, видимо, в устной форме, и восходит к X в., но предлагаемый датирующий критерий принять нельзя. Сообщение о смерти Ольги завершают слова о ее захоронении *на месте*, но это место не указано. Тихомиров предполагал, что это предложение прервано, так как в других случаях локализация княжеских могил определяется точно. Составление произведения исследователь относит к периоду до перенесения останков Ольги в Десятинную церковь, о котором упоминает весьма неясная запись в Повести временных лет под 1007 г.: «прѣнесени святии в святую Богородицю»⁴³. Не подлежит сомнению, что ни до 1007 г., ни в XI столетии Ольга не была причислена к лику святых. Признание святости Ольги могло совершиться не ранее исхода XIII в.⁴⁴ На то, что в 70-е годы XI в. Ольга наверняка не считалась святой, указывает упоминание о завершении строительства Печерского собора «мѣсяца июля 11 день». Если бы тогда праздновалась память Ольги, это стечение обстоятельств непременно было бы отмечено, как обнаруживаем в летописной статье 1093 г., где указание дня 24 июля дополнено: «в святую мученику Бориса и Глеба».

Бесспорной заслугой Тихомирова и его последователей является то, что в исследовании начальной истории русского летописания они вышли за круг концепций, вталкивающих развитие русской историографии в рамки очередных летописных сводов. В этом определенном им направлении пошли и должны идти дальнейшие исследования отдельных памятников.

Начертанные здесь замечания в основном сводятся к постановке под вопрос некоторых распространенных взглядов на русскую историографию XI в. Автор вполне осознает, что пересмотр неудовлетворительных итогов исследований возможен лишь благодаря тому вкладу, который внесли в науку названные исследователи. Наиболее выдающийся из них метко заметил, что «исследователь не

³⁹ Никольский Н. К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры // Сборник по русскому языку и словесности АН СССР. Л., 1930. Т. 1. Вып. 1. С. 38 и след., 55; ср. также: Черепнин Л. В. Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды. С. 333.

⁴⁰ Тихомиров М. Н. Начало русской историографии. С. 49.

⁴¹ См.: Litavrin G. G. A propos de Tmutorokan // Byzantion. 1965. Т. 35. P. 221—234 и Słownik Starożytności Słowiańskich. 1980. Т. 6. S. 91—96.

⁴² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. §§ 229—235.

⁴³ Тихомиров М. Н. Начало русской историографии. С. 54—55; «прѣнести» в данном случае не просто «перенести», «принести». Тут посредством префикса прѣ- выражено действие, превосходящее подобное повседневное. Это возвеличение подчеркивает религиозный характер: несли ведь в церковном церемониальном шествии мощи святых. Это исконный церковнославянский язык; отправляющий службу нерей не стоит, а престоит и литургисает; на молитве престоит, преклоняются.

⁴⁴ Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1/2. М., 1904. 2-е изд. С. 391—393; Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви // ЧОИДР. 1903. Кн. 1. С. 56—47.

только может, но и обязан считаться с предшественниками и результатами их трудов, но отношение к ним должно быть прежде всего критическое»⁴⁵.

За сто лет, прошедшие с выхода «Разысканий», в области изучения летописания XI в. сделано немало, но в качественном отношении недостаточно. Сосредоточение исследований и изложение их результатов пришлось на первую половину этого столетия. Выдвинутое А. А. Шахматовым предположение о четырех стадиях развития древнейшего летописания не было компетентно поддержано и в целом не было обоснованно отвергнуто. Попытки ввести в историографию «исправленные» своды были неудачны, слабее шахматовских гипотез.

За последние два десятилетия намечается положительный поворот. Благодаря обилию репринтов облегчен доступ к полузабытой и неизвестной литературе предмета с широким сравнительным фоном. Издаются репринты и новые издания летописных памятников. К чрезвычайно важным событиям следует отнести начатое в 1988 г. издание «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.». Началась компетентная дискуссия, касающаяся сущности расхождений по вопросу, быть или не быть Начальному своду 1095 г.

Можно полагать, что настоящая конференция откроет путь текстологическим и источниковедческим разысканиям, а не лишенным таковых толкованиям. В первую очередь встанет необходимость продолжения изучения источников ПВЛ, т. е. коррективное продолжение труда Шахматова (1940) и значащих статей из «Словаря книжников», для четкого определения, что в основных списках, сохранивших текст ПВЛ, восходит к первоначальному тексту, а что было добавлено позже. Вспомогательным инструментом мастерской исследователя должны стать конкордансы. Высокополезная, начатая в 1990-е годы японскими учеными университета в Нагои работа увенчалась публикацией конкордансов семи летописных сводов (к ПСРЛ. Т. 1, 2, 3, 4, 6, 25 и др.). Она дает готовую основу для сотрудничества и плодотворных результатов. Текстологические опыты реконструкции, в первую очередь ПВЛ, предпринятые А. А. Шахматовым и С. А. Бугославским, должны быть продолжены в смысле создания новой реконструкции с учетом всех тех данных, которые не были доступны либо оставались незамеченными (например, по XIV в. не было слова *царь* и производных — результат сокращенного прочтения *цесарь*). Взять на себя этот труд смогут умельцы, сведущие в ремесле медиевиста.

⁴⁵ Шахматов А. А. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни // Научный исторический журнал. СПб., 1914. Т. 2. Вып. 2. № 4. С. 45 (рец. на работу М. Д. Приселкова).